

Луиза д'Оней

Странствующие рыцари и домашний гений

Сказки
1709

18+

Луиза д'Оней

**Странствующие рыцари
и домашний гений**

«Автор»

2026

д’Оней Л.

Странствующие рыцари и домашний гений / Л. д’Оней —
«Автор», 2026

Две части книги Луизы д’Оней, изданной в Париже в 1709 году, — «Странствующие рыцари» и «Домашний гений». Рыцари и принцессы ищут друг друга среди волшебных островов и дворцов; невидимый сильф рассказывает персиянке Заиде о разлучённых влюблённых и терпеливой Пасьянине. Любовь, обман, дружба и освобождение соединяют эти истории. Полный перевод с французского, примечания, исторические издательские документы и новые цветные иллюстрации. Издание адресовано взрослому читателю. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© д’Оней Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Странствующие рыцари	6
Эльмедор Гранадский	7
История принцессы Замей и принца Альманзона	8
История Эльмедора, принца Гранадского, и принцессы Альзаиды	16
История Зальмаиды, принцессы Канарской, и принца Нумидийского	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Луиза д'Оней

Странствующие рыцари и домашний гений

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами старинные французские сказки в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Книга Луизы д'Оней «Странствующие рыцари и домашний гений» вышла в Париже у Пьера Рибу в 1709 году. На её титульном листе имя сочинительницы скрыто за обозначением «госпожа графиня Д**». В настоящем издании обе части сохранены вместе, в той последовательности, в какой их напечатали в начале XVIII века.

«Странствующие рыцари» начинаются на берегах Тахо. Печальный Эльмедор встречает принцессу Замею, и рассказ о её несчастьях становится первым в цепи историй о любви, ревности и верности. Герои слушают друг друга, принимают чужие беды близко к сердцу и продолжают общий путь. За великолепием волшебных дворцов и рыцарских доспехов здесь стоят вполне человеческие тревоги: как отличить правду от обмана, можно ли доверять обещанию и чем утешить того, кто потерял надежду.

Во второй части, «Домашнем гении», действие переносится в Персию. Заида беседует с невидимым сильфом, который обещает развлечь её историями. Он сообщает о судьбе её сестры Истории и событиях при османском дворе, а затем оставляет тетрадь со сказкой о принцессе Пасьянине. Старинный подзаголовок «Персидские новеллы, переведённые с арабского» воспроизведён как часть французской книги; русский перевод выполнен с французского. Рамка этой части остаётся открытой: после истории Пасьянтины в издании 1709 года стоит слово «Конец», без возвращения к разговору Заиды и сильфа.

Перевод сохраняет весь повествовательный текст, письма и стихотворную надпись. Необычные обороты, противоречия и разночтения, существенные для понимания, пояснены в примечаниях. В приложении приведены титул и издательские документы первопечатного издания. Сказочная география и авторское обращение с мифами оставлены такими, какими они даны в книге. Исторические суждения персонажей и повествователя принадлежат своей эпохе. Новые иллюстрации созданы для этого русского издания; они передают его мир средствами самостоятельного художественного оформления.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Странствующие рыцари

Эльмедор Гранадский

Едва ночь окутала землю своим мраком, как на берегах Тахо появился рыцарь в чёрных доспехах. Его шлем украшали белые перья и перья цвета увядшей листвы; наполовину поднятое забрало открывало лицо, в котором красота сочеталась со скорбью. На руке он держал щит из воронёной стали: на нём были изображены роза, сорванная прежде, чем она успела распуститься, и поваленное на землю гранатовое дерево, а под ними — девиз: «Одним ударом». Конь под ним был чёрен как гагат, и его гордая поступь ещё более подчёркивала благородный облик всадника. Проследовав вдоль реки несколько стадиев, рыцарь углубился в лес, лежавший справа. Там он спешился, отдал шлем оруженосцу и лёг на траву, чтобы предаться мыслям о своих несчастьях и о мести тому, кто был их причиной.

Голос, раздавшийся неподалёку, прервал его печальные размышления.

— Перестаньте, Аделинда, — говорил этот голос, — убеждать меня жить и искать избавления от моих бед. Теперь мне остаётся ждать помощи лишь от собственного отчаяния.

Едва эти горестные слова достигли слуха нашего рыцаря, как он взял шлем из рук оруженосца и пробрался сквозь заросли, скрывавшие от него ту, что жаловалась на свою судьбу. Не прошёл он и двадцати шагов, как увидел двух женщин, лежавших на траве. Одной из них на вид было не больше пятнадцати лет; красотой она уступала в глазах рыцаря лишь той, о ком он тосковал каждое мгновение своей жизни.

— Сударыня, — сказал он, — жалобы, которые я только что услышал из ваших прекрасных уст, не оставляют сомнения: вас гнетёт смертельная печаль. Я был бы счастлив, если бы, прежде чем завершится моя скорбная жизнь, мне удалось уничтожить врагов, которые вас притесняют. Чтобы вы могли хоть немного довериться искренности моих намерений, скажу вам: я Эльмедор Гранадский, рыцарь Рокового Меча, известный во всех испанских землях своей любовью к несравненной Альзаиде.

— Сеньор, — отвечала незнакомка, поднявшаяся, как только Эльмедор заговорил с ней, — ваше имя так славно во всём мире, что стоит его услышать, и уже веришь: для вашей руки нет ничего невозможного. Простите, что ужасные бедствия, преследующие меня, принуждают меня принять ваше великодушное предложение. Но, чтобы вы узнали врагов, с которыми вам предстоит сразиться, позвольте рассказать вам о моих приключениях.

История принцессы Замей и принца Альманзона

Я дочь Замута, короля Феса, и королевы Замары. Долгие годы у них не было детей, и потому во мне они видели дар небес, которому должны отдать всю свою нежность. Народ следовал их примеру, и я была отрадой всего двора.

Та малая доля красоты, которой наделили меня боги, и корона Феса, предназначенная мне в будущем, привлекали ко двору многих африканских принцев: они являлись засвидетельствовать мне своё почтение и не жалели усилий, чтобы мне понравиться. Ещё никогда фесский двор не был столь блистателен. Каждый день там устраивались турниры и конные состязания, на которых я вручала награды.

Среди множества преданных мне рыцарей и принцев был принц Марокканский, прозванный Грозным за свой необычайный рост и дикий взгляд, который делал его весьма неприятным. Именно его король, мой отец, прочил мне в мужья и обещал не препятствовать его любви, если тот пожелает этого. Столь лестные обещания удвоили усердие Зороастра — так его звали; но чем настойчивее он ухаживал за мной, тем сильнее я его ненавидела. Дружба короля с ним повергала меня в глубокую печаль, и я часто говорила королеве, моей матери, от которой ничего не скрывала, что скорее умру, чем соглашусь стать его женой.

В ту пору Зороастр, желая отпраздновать день моего рождения, объявил турнир и разослал по всем дворам Испании и Африки вызовы, приглашая рыцарей явиться и признать, что принцесса Фесская превосходит всех красавиц земли. Вызов этот был столь оскорбителен для принцесс, которым поклонялось столько прославленных рыцарей, что те поспешили в Фес. В день турнира король, королева и я заняли возвышение, покрытое богатыми коврами из синего бархата с золотым шитьём и устроенное перед площадью, отведённой для этого зрелища. Весь двор в великолепных нарядах расположился у наших ног. Судьи ристалища открыли ворота, и показался Зороастр в золотых доспехах, по краям украшенных изумрудами. Видневшиеся из-под них части его одежды были из зелёного бархата, расшитого золотом. Шлем венчали тысячи зелёных и розовых перьев. На руке он держал щит из того же металла, что и доспехи; на щите была изображена Венера, подающая мне золотое яблоко, а девиз гласил: «Я уступаю ей».

Проехав перед королём и приветствовав нас с гордым, надменным видом, он стал у края ристалища, ожидая тех, кто пожелает оспорить у него победу. Не минуло и четверти часа, как появился рыцарь, чей величавый и высокомерный облик привлёк все взгляды; но сила его руки не соответствовала его осанке, и Зороастр скоро с ним разделался. Он победил ещё нескольких противников и уже не сомневался, что награда — мой портрет, окружённый крупными бриллиантами, — достанется ему. Вдруг гул, поднявшийся в народе, заставил всех вновь насторожиться. Причиной его был рыцарь, попросивший допустить его к бою. Боги! Что я испытала, увидев его, и скольких слёз стоил мне этот день! На прелестном незнакомце были серебряные доспехи с синей эмалью; его одежда была сине-серебряной, и множество перьев тех же цветов ниспадало позади его головы. В середине щита, серебряного, как и прочие доспехи, красовался необычайно крупный рубин, вырезанный в форме сердца, а девиз гласил: «Прекраснейшей». Конь его был бел как снег и так гордился тем, что несёт прекраснейшего из мужчин, что земля дрожала под его шагами. Весь двор не мог налюбоваться красавцем незнакомцем. Я же признаюсь вам: никогда ещё я не испытывала такого волнения и такой радости, как в тот миг, когда во второй сшибке он поверг Грозного Зороастра. Все закричали, что он достоин награды. Судьи ристалища велели ему спешиться и подвели к королевскому возвышению; король приказал мне вручить ему свой портрет. Он принял его с таким благородством, что стал мне ещё милее.

Когда состязания окончились, я последовала за королевой, моей матерью, во дворец. Вечером состоялся великолепный бал, на который явились все рыцари, кроме Зороастра: поединок так потряс его, что он был вынужден несколько дней провести в постели.

Незнакомец, в котором мы узнали принца Тунисского, прозванного рыцарем Солнца за то, что до самого дня турнира он всегда носил изображение этого светила на щите, явился в роскошном наряде. Во второй раз он привлёк взгляды всего собрания; и если в бою он казался нам богом войны, то теперь, в новом уборе, мы приняли его за бога любви. Моё сердце не устояло перед столькими чарами: какой бы гордостью я ни пыталась вооружиться, пришлось уступить юному герою. Мои глаза произвели такое же действие на его душу. Весь бал он смотрел только на меня, и я с радостью поняла, что нас обоих начинает жечь один и тот же огонь.

Несколько дней после приезда он говорил со мной лишь языком забот и взглядов. Но однажды после полудня, когда в моих покоях со мной были только мои придворные девушки, он сказал:

— Сударыня, это сердце, доньше хранившее себя для прекраснейшей, нашло ту, которую искало. У принцессы Замеи нет соперницы, которая осмелилась

бы оспорить у неё первенство в красоте. Но сколько у меня причин бояться, что она отвергнет столь скромную дань почтения и сделает меня несчастнейшим из людей!

— Так приятно получить славную награду, которую вы мне предлагаете, — отвечала я, улыбаясь, — что вам не следует опасаться отказа.

— Если мне выпадет счастье и вы примете мою преданность и мою любовь, — продолжал Альманзон, — клянусь вам, моя принцесса: ни один рыцарь не любил с большим постоянством, и каждое мгновение жизни я посвящу тому, чтобы доказать вам свою благодарность.

— Не отвергать знаков вашего почтения, — сказала я уже серьёзнее, — ещё не значит принять вашу любовь. Принцессы, подобные мне, могут избрать своим рыцарем лишь того, кого им предложат люди, имеющие право распоряжаться их судьбой. Вам надлежит заслужить их выбор; от меня же следует ждать только безусловного повиновения тому, что они прикажут.

— Простите меня, сударыня, — сказал Альманзон, — за то, что я истолковал ваши слова слишком лестным для себя образом. Я должен был знать, что столь драгоценное признание покупается годами тревог и страданий.

— Сеньор, — отвечала я, вставая, чтобы идти к королеве, которая только что прислала за мной, — когда я говорю вам: добейтесь, чтобы король, мой отец, повелел мне вас выслушать, — я тем самым говорю, что была бы рада получить такое разрешение. Если этого недостаточно, чтобы сделать вас счастливым, всё же это всё, что я могу для вас сделать.

Заканчивая эти слова, я уже подошла к покоям королевы, так что Альманзон успел ответить лишь глубоким поклоном, выпуская мою руку. Я вошла в кабинет матери с волнением на лице, которое она легко могла бы заметить; но весть, которую ей предстояло мне сообщить, слишком её удручала, и ей было не до того, чтобы вглядываться в меня.

— Замея, — сказала она, — вопреки всем моим увещеваниям король велит мне подготовить вас к браку с принцем Марокканским через восемь дней. Он дал ему слово, и всё уже устраивается для этого рокового союза.

Судите же сами, великодушный рыцарь: если я страшилась этого брака, когда испытывала лишь безотчётное отвращение, в какое отчаяние он должен был повергнуть меня теперь, когда моё сердце считало одного Альманзона достойным своей нежности! Я не скрывала своей боли от королевы, моей матери. Она отвечала мне вздохами, но сказала, что не властна переменить решение Замута и что мне придётся покориться.

После этих жестоких слов я удалилась в свою комнату и послала Аделинду к принцу Тунисскому: пусть передаст то, что я только что узнала, и попросит его сделать всё, что он сочтёт нужным, чтобы сохранить меня для своей любви. Рыцарь, вне себя от гнева, отправился к королю, моему отцу, и признался ему в сильной страсти ко мне. Замут принял его весьма любезно, но сказал, что уже дал слово Зороастру и потому не может принять оказанную ему честь. Когда Аделинда передала мне этот жестокий ответ, моё сердце пронзила новая, ещё более острая боль. Всю ночь я провела в жалобах. Утром же узнала, что принц Тунисский вызвал соперника на поединок и после долгого кровавого боя опасно ранил Зороастра и обезоружил его; что сам он тоже получил лёгкую рану в плечо и удалился от Феса на несколько стадиев; что король, мой отец, окружил принца Марокканского величайшей заботой, а на Альманзона страшно разгневался и прислал ему приказ никогда больше не появляться при дворе.

От таких печальных вестей я едва живая упала на руки своих женщин. Королева, узнав о случившемся, поспешила ко мне; её слёзы и крики заставили меня открыть глаза, но я была в таком жалком состоянии, что она не могла утешиться. Замут вошёл в мою комнату и, увидев меня всю в слезах, сказал:

— Хочу верить, что причиной вашей скорби стали раны Зороастра. Не могу же я вообразить, что вы настолько забыли о своём долге и моей воле, чтобы плакать о принце Тунисском. Боги вернут нам принца Марокканского, и я намерен выдать вас за него прежде, чем он покинет моё королевство, — в наказание за горе, которое причиняет нам его роковая отвага.

Сказав эти жестокие слова, король оставил меня; королева же до конца дня оставалась со мной и утешала меня.

Вечером она тайно послала узнать о здоровье принца Альманзона, и я велела передать ему своё приветствие. Тронутый добротой королевы, принц написал ей, умоляя позволить ему

на следующий день явиться во дворец переодетым: раны его были совсем легки. Королева дала согласие, намереваясь убедить его покинуть Фесское королевство, чтобы вероломный Зороастр не приказал его убить.

Альманзон пришёл в назначенный час. Четверть часа мы предавались жалобам, которые исторгала из нас наша участь; затем сообщили ему, что один волшебник, друг принца Марокканского, совершенно исцелил его раны, но король, опасаясь нового поединка, приказал держать его под охраной во дворце до нашей свадьбы, назначенной через три дня. Не давая Альманзону заговорить, королева сказала: если я ему дорога, он должен удалиться из Феса и не подвергать меня смертельному горю — стать причиной его гибели.

— Если принцесса, сударыня, — отвечал Альманзон, — согласна выйти за моего соперника, я последую вашему совету; но не для того, чтобы сохранить жизнь, а чтобы окончить её вдали от её глаз.

— Я никогда не соглашусь выйти за Зороастра, — отвечала я. — Но вам от этого не станет легче: я не могу отдать вам свою руку без согласия короля, моего отца, и королевы.

— Но если Замут принудит вас к этому браку, — спросил он, — чем вы сможете защититься?

— Смертью! — воскликнула я. — Если мои слёзы его не тронут.

— Ах, сударыня! — сказал он королеве, бросаясь к её ногам. — Сколько бед вы можете предотвратить, если позволите мне увезти эту прелестную принцессу! Словом рыцаря обещаю: едва мы прибудем в Тунис, я возложу на её голову корону, а сам всю жизнь буду беспрекословно повиноваться вашим приказаниям.

Поражённая столь дерзким предложением, королева гневно отказала. Но наконец наши слёзы тронули её. Альманзон едва не умер от радости при такой счастливой перемене своей участи. Заверив королеву, что ей никогда не придётся раскаться в своей доброте, он удалился готовиться к отъезду.

На другой день, в назначенный час, он пришёл за мной. С великой болью рассталась я со столь доброй матерью; но любовь оказалась сильнее кровного чувства, и я последовала за Альманзоном в сопровождении одной Аделинды. У дворцовых ворот нас ждал оруженосец принца с приготовленными лошадьми. Мы сели верхом и без приключений выехали из Феса и за пределы королевства. Но однажды, проезжая через сумрачный лес, слышали чьи-то жалобы в глубине чащи. Альманзон направил коня туда и увидел довольно красивую женщину, с виду глубоко опечаленную.

— Великодушный рыцарь! — сказала она, едва заметив его. — Поспешите освободить принцессу из рук чудовищного великана! Он держит её пленницей в замке в одной стадии отсюда и подвергает нестерпимым мучениям. Боги предназначили вашей руке совершить этот страшный подвиг; так предсказала мне фея Величия.

Я подъехала, когда женщина заканчивала говорить, и сделала всё возможное, чтобы отговорить Альманзона от этой затеи. Но жажда победы взяла верх над моими мольбами. Он попросил меня немного подождать и уехал с незнакомкой.

Вопреки его желанию я последовала за ним и увидела, как, едва он приблизился ко рвам замка,

опустился мост и распахнулись ворота. Несчастный принц вошёл вместе с незнакомкой, и замок вновь закрылся. Ничто не могло сравниться с моей болью, когда Альманзон скрылся от глаз! Напрасно звала я его весь остаток дня и всю ночь: ни крики, ни слёзы не находили отклика. Уговоры Аделинды и оруженосца моего дорогого принца не смогли бы оторвать меня от этого рокового места. Но на рассвете рядом со мной появился рыцарь. Он сказал, что лишь

на берегах Тахо я найду избавление от бед Альманзона и моих собственных, и с этими словами исчез. Я повиновалась, покинула злополучный замок, где оставляла всё, ради чего могла любить жизнь, и отправилась на берега этой реки. Уже год живу я здесь, так и не дождавшись исполнения обещания незнакомца. Дай бог, великодушный рыцарь, чтобы именно вам был предназначен этот подвиг!

— Предназначен он мне или нет, — отвечал Эльмедор, как только принцесса окончила рассказ, — я всё равно испытаю себя, едва вы прикажете отправляться. Я буду счастлив, престелстная Замея, если смогу вернуть вам столь совершенного принца, так достойного вашей любви!

— Как только рассветёт, — сказала принцесса Фесская, — я провожу вас к тому месту, где томится несчастный Альманзон. А пока ночь ещё не на исходе, пойдём немного поедим и отдохнём несколько часов в хижине, которая стала моим дворцом с тех пор, как я потеряла дорогого принца.

Эльмедор не посмел отказать Замее и впервые после смерти Альзаиды лёг в постель. Покоя он, однако, не обрёл: мучительная скорбь не давала ему уснуть до самой зари. Стыдясь встретить её в постели, он поднялся, велел подать доспехи и, узнав, что принцесса Замея готова, пошёл помочь ей сесть на коня. Весь день они ехали без отдыха; но лошади не могли поспеть за нетерпением всадников, и путники остановились на лугу, орошаемом приятно журчащим ручьём.

Не прошло и часа, как они заметили рыцаря; Замея узнала в нём Зороастра. Страх вновь попасть в его руки исторг у неё такой пронзительный крик, что Эльмедор спросил о причине. Принцесса назвала Грозного рыцаря. Эльмедор тотчас вскочил на коня, взял у оруженосца шлем и копьё и поехал навстречу принцу Марокканскому, который уже успел узнать прекрасную Замею.

— Рыцарь! — сказал Эльмедор. — Я только что узнал, что ты недостойн этого имени: ты прибегаешь к силе, чтобы овладеть принцессой, которая тебя не любит.

— А ты кто такой, — надменно отвечал Зороастр, — что вступаешься за неверную? Я ищу её лишь для того, чтобы наказать за её преступления.

— Если одержу победу, узнаешь, — отвечал принц Гранадский. — Но не станем терять драгоценное время на пустые речи.

С этими словами Эльмедор нанёс ему удар копьём, от которого тот лишь пошатнулся в седле. Копьё Зороастра сломалось о доспехи противника, и в руках обоих засверкали смертоносные мечи. Замея, дрожа за своего защитника, молила небеса не дать ему погибнуть в этом бою. Вскоре её страх рассеялся: пронзённый множеством ударов Зороастр пал к ногам непобедимого рыцаря Рокового Меча. Замея подбежала к принцу и спросила, не ранен ли он. Увидев кровь, текущую из раны на его правой руке, она остановила её своими прекрасными руками. Только что совершённый им подвиг внушил ей надежду, что он скоро освободит и дорогого Альманзона.

Заботу о теле принца Марокканского оставили его оруженосцу. Прежде чем уехать, принцесса пожелала узнать о королеве, своей матери, и о том, что говорил отец о её бегстве.

— Когда стало известно о вашем отъезде, сударыня, — отвечал оруженосец, — король, зная, что королева всегда питала отвращение к принцу, моему господину, нисколько не сомневался в её сговоре с вами. Он заточил её в собственных покоях и жестоко обращался с ней, добиваясь признания, куда вы уехали с принцем Тунисским. Но эта добродетельная государыня, видя, что нельзя скрыть вашего бегства с Альманзоном, и боясь, что за вами бросятся в погоню, сказала, будто вы отправились искать убежища у королевы Гранадской, вашей тётки. Замут поверил и послал людей на дорогу в Гранаду, чтобы вас привезли обратно в Фес, где он предназначал вам самые жестокие мучения. Зороастр, отчаявшись из-за вашего бегства, уехал из Феса, не дожидаясь возвращения посланных. За этот год мы не раз объехали все испанские

земли. Наконец злая судьба привела его на этот луг, где непобедимый рыцарь только что положил конец его несчастьям.

Принцесса Фесская не могла без слёз слушать о горе, которое причинила своей матери. Но принц заверил её, что скоро поможет ей вновь увидеть королеву вместе с дорогим Альманзоном. Тогда Замея снова села на коня, и они двинулись в путь. От тряски рана Эльмедора вновь начала кровоточить. Замея остановила кровь, приложив к ней какую-то траву, и заставила рыцаря остановиться в городке, встретившемся им по дороге. Оруженосец принца разыскал хирурга; тот осмотрел рану и сказал, что, хотя она совсем легка, придётся пролежать в постели по меньшей мере три дня. Принцессе стоило немалых трудов убедить рыцаря согласиться на этот короткий отдых. Чтобы дать ему лечь, она удалилась в другую комнату, где и провела ночь.

Наутро, узнав, что принц спокойно спит, она оставалась у себя, пока ей не сообщили о его пробуждении. Тогда она пришла осведомиться о его здоровье.

— Для такого несчастного, как я, оно слишком хорошо, сударыня, — ответил он. — Альзаида сама явилась упрекнуть меня в этом во время короткого сна, в который погрузила меня потеря крови. Я видел её, эту несравненную женщину: как мне показалось во сне, она была в одной из комнат замка, где заключён Альманзон. Под чёрным газовым покрывалом она упрекала меня за то, что я так мало стараюсь извлечь её из могилы и отомстить за неё. Я хотел броситься к её ногам и сказать: лишь клятва наказать её врагов мешает мне последовать за нею, и я не упустил ни мгновения, разыскивая их. Но усилие, которое я сделал, чтобы обнять её колени, разбудило меня.

— Мне кажется, в этом сне скрыт тайный смысл, — сказала принцесса Фесская. — Альзаида не умерла; она, несомненно, томится в той же темнице, что и мой дорогой принц.

— Ах, сударыня! — отвечал Эльмедор со слезами. — Я не могу сомневаться в словах Тальмута, моего оруженосца: он видел её умирающей и передал мне её последнюю волю.

— Если бы я знала вашу историю, — продолжала принцесса, — и вы доверились мне так же, как я доверилась вам, я могла бы говорить с большей уверенностью. Тальмут мог бы рассказать мне всё, пока вам перевязывают рану.

Эльмедор не мог отказать Замее в её просьбе. Когда вошёл хирург, она вышла с оруженосцем и Аделиндой, приказав оруженосцу Альманзона не покидать принца.

Она направилась в небольшой лесок за домом и, найдя место, укрытое от солнца, села на траву. Тальмут расположился у её ног рядом с Аделиндой и начал историю своего господина такими словами.

История Эльмедора, принца Гранадского, и принцессы Альзаиды

— Вы, несомненно, знаете, сударыня, — сказал Тальмут, — что мой господин — сын короля Гранадского и королевы Эрмендины, чьи красота и добродетель составляют отраду гранадского двора. Принца нарекли Эльмедором, а впоследствии славные подвиги доставили ему имя рыцаря Рокового Меча. Под этим именем его узнали во время войны, которую король, его отец, вёл против кастильских мавров. Он совершил тогда подвиги, настолько превосходившие обычную доблесть, что именно ему приписали заключение мира, которого эти народы были вынуждены у нас просить.

После победы он попросил у короля, своего отца, позволения путешествовать незнанным по всем испанским землям. Король согласился; но нежно любившая сына королева решительно воспротивилась: её друг, волшебник по имени Замат, предсказал, что в этом путешествии принцу грозят великие опасности. Чтобы оградить его от них, он дал королеве волшебный перстень, способный разрушать любые чары, если обращать остриём вверх встав-

ленное в него рубиновое сердце. Видя, что не может удержать сына, королева вручила ему перстень и заставила обещать, что он всегда будет носить его так, как велел волшебник. Эльмедор дал ей слово и покинул Гранаду в сопровождении меня одного.

Целый год мы провели, посещая разные дворы, и прибыли в Леон в день конных состязаний. Принцесса Альзаида, дочь короля Леонского, вручала победителю приз — меч, украшенный необычайно дорогими рубинами. Мой принц одержал победу с такой ловкостью, что привлёк к себе взоры всего двора, и подошёл принять награду из рук прелестной Альзаиды.

Если бы я не видел вас, сударыня, — продолжал оруженосец, — я сказал бы, что принцесса Леонская была самой прекрасной женщиной во всех испанских землях. Никогда ещё столь величавый облик не соединялся с такой кротостью. Её каштановые волосы с серебристым отливом придавали удивительную прелесть лицу; его свежие, отчётливые краски уступали лишь блеску глаз. Словом, все дары красоты были щедро рассыпаны в её облике.

Очарованный столькими прелестями, Эльмедор на некоторое время забыл обо всём. Если бы король, которому назвали его имя, не вынудил его ответить на любезное приветствие, он ещё долго не вышел бы из сладкой задумчивости.

По окончании состязаний все вернулись во дворец. Король настоял, чтобы мой принц занял покои рядом с его собственными. Эльмедор переоделся и пришёл провести вечер у королевы; там он имел счастье более двух часов беседовать со своей принцессой. Сколько новых достоинств открыл он в этом разговоре! Ум Альзаиды превосходил даже её красоту. Во всех её поступках кротость сочеталась со строгой скромностью: она внушала пылкую любовь и вместе с тем не позволяла жаловаться на её муки. Эльмедор слишком хорошо почувствовал эту властную силу и вернулся к себе самым влюблённым из людей. Каждый последующий день лишь умножал его узы и делал их крепче смерти; время слишком ясно нам это доказало.

От одной из девушек принцессы, по имени Саншея, к которой я был равнодушен, я узнал, что и эта несравненная женщина почувствовала к принцу нежное влечение и тщетно с ним боролась. При всей строгости своей добродетели она была рада видеть, что её прекрасные глаза покорили его. Но свои чувства она скрывала так искусно, что Эльмедор, замечая лишь скромную учтивость, сомневался, догадывается ли она о его обожании.

«Божественная Альзаида! — порой шептал он, глядя на неё. — Неужели мои вздохи и томные взоры не говорят вам, что среди всех, кто вам служит, нет никого влюблённее меня? Разве столь чистый огонь может вас оскорбить?»

В такие минуты он готов был признаться ей в любви; но почтение и страх, что прелестная принцесса прогонит его, удерживали его.

В это время князь астурийцев объявил войну королю Леонскому. Чтобы враг не застал его врасплох, король собрал войска и сам повёл их к границе. Эльмедор пожелал его сопровождать. Проститься с принцессой ему удалось лишь в присутствии королевы: Альзаида боялась, что иначе не сумеет скрыть своего горя при его отъезде на войну, обещавшую стать кровопролитной. Принц мучительно страдал оттого, что не мог сказать ей: он идёт сражаться с врагами её отца лишь для того, чтобы показать, что вся его жизнь посвящена ей. Когда мы прибыли к месту сбора войск, король Леонский хотел поручить принцу Гранадскому командование армией под своим началом. Но тот отказался, сказав, что желает лишь чести сражаться рядом с ним.

Некоторое время удобного случая дать сражение не представлялось. Наконец князь астурийцев, чьи силы превосходили наши, сам предложил бой. Для обеих сторон он был страшен. Победа, казалось, склонялась к неприятелю; но мой принц переменял ход сражения, убив князя астурийцев. Его воины, вместо того чтобы отомстить за него, думали только о бегстве и оставили поле, покрытое мёртвыми и умирающими.

Этой победой поход завершился. Неприятель отступил к своим границам, а король, осыпав моего господина похвалами, вернулся в Леон.

Королева и принцесса выехали нам навстречу. Все дороги были полны народа; люди громко говорили, что для того, чтобы король Леонский стал владыкой части испанских земель, нужно соединить принца Гранадского с принцессой Альзаидой. Эльмедор счёл этот случай удобным для признания в любви и приблизился к колеснице Альзаиды, с которой была лишь Саншея.

— Сударыня, — сказал он, — порой боги говорят устами народа. Осмелюсь ли я надеяться, что это прорицание не сулит несчастья божественной Альзаиде? Ваш первый же взгляд зажёл в моём сердце самую почтительную страсть, какую вам когда-либо суждено внушить. С той роковой минуты сердце моё ждёт лишь возможности открыться вам, не навлекая вашей немилости. От вас, прелестная принцесса, зависит обречь мою любовь на вечное молчание или позволить мне называться вашим рыцарем.

— Государь, — отвечала Альзаида, краснея, — если боги желают соединить корону Леона с короной Гранады, я тщетно пыталась бы этому воспротивиться. Но позвольте мне подождать, пока они возвестят свою волю голосами менее шумными. До той поры оставьте мне право сомневаться в их сокровенных решениях. Не вынуждайте меня забыть, что мы обязаны вам победой, и помнить лишь об оскорблении, которое вы наносите мне, говоря о любви: слушать такие речи я могу только по воле короля и королевы, моей матери.

— Если бы всё зависело лишь от повеления этих священных особ, — отвечал принц, — у меня были бы основания надеяться на их благосклонность. Но если, как я уже не могу сомневаться, сударыня, я имею несчастье быть вам неугодным, то сумею наказать своё дерзкое сердце. Огонь, которым оно переполнено, преступен, раз его отвергает та, что его зажгла.

Король подъехал к колеснице Альзаиды и помешал ей ответить Эльмедору. Но, как ни старалась она скрыть нежное влечение к нему, знак удалиться она сопровождала таким ласковым взглядом, что принц забыл все её суровые слова.

С этого дня Эльмедор начал надеяться, что небезразличен принцессе. Его любовь и заботы удвоились; в них было столько трогательного почтения, что прекрасная Альзаида призналась: если король, её отец, одобрит его чувство, она не станет ему противиться.

В ту пору, сударыня, — продолжал оруженосец, — ко двору доставили вызов принца Марокканского. Мой господин попросил у короля и принцессы позволения отправиться на бой, чтобы отстоять первенство её красоты. Скрамная Альзаида отказала; эта скромность делала её ещё достойнее той победы, которую Эльмедор желал ей доставить. Но король нежно любил принца и был доволен его привязанностью к своей дочери. Он разрешил ему сражаться и называть себя её рыцарем, а принцессе велел подарить ему перевязь, которую она носила в тот день, чтобы он подвесил к ней меч, полученный из её рук на конном состязании по нашем приезде в Леон. Принцесса повиновалась; её румянец был столь благосклонным, что мой принц поверил: с этими знаками своего счастья он победит и Зороастра, и всех рыцарей земли. Простившись с королём, королевой и Альзаидой, мы отправились в Фес.

Первые дни пути прошли без приключений. Но вот мы достигли реки, через которую надо было переправиться, чтобы попасть в Африку. Некоторое время мы ждали рыбацких лодок, часто появлявшихся в

этих местах. Наконец одна причалила. Эльмедор сказал рыбаку, что ему нужно на другой берег, и мы сели в лодку. Но едва, сударыня, нас подхватило течение, как мы погрузились в сон, которому не могли противиться.

Проснувшись, мы оказались в великолепном дворце на острове Африканского моря. Здесь было всё, чего можно пожелать для волшебного места: величественные здания, роскош-

ная обстановка, прекрасные сады, множество фонтанов, чьи струи, образуя разнообразные фигуры, наполняли каналы из мрамора и порфира. Прохладные рощи укрывали от солнца аллеи жасмина, апельсиновых и гранатовых деревьев. Птицы с оперением тысячи оттенков оглашали их пением, пленявшим сердце и слух. Вечная весна, царившая в этом прелестном краю, делала его достойным жилищем богов.

Эльмедор дивился тому, что очутился в столь прекрасном дворце. Он ещё не оправился от первого изумления, которое вызывают необыкновенные вещи, когда увидел молодую красавицу; за ней следовали нимфы, одна прелестнее другой.

— Эльмедор, — сказала дама, — боги, которым дорога жизнь таких героев, как вы, открыли мне, что турнир в Фесе стал бы для вас роковым. Не сердитесь на меня за то, что я удалила вас от места, где вас ожидала гибель. Никто не может оспорить первенства красоты у прекрасной Альзаиды, и вызов Зороастра не умалит её прелестей. Как только минует срок этой опасной забавы, та же лодка, что привезла вас во дворец, гораздо более коротким путём вернёт вас к прелестной принцессе Леонской, если только здесь не найдётся ничего, что могло бы вас удержать.

— Ничто не удержит меня вдали от моей принцессы, — перебил её Эльмедор, увлечённый своим чувством. — И хотя я вижу здесь всё самое совершенное, что есть в природе, боги оказали бы мне большую милость, позволив погибнуть в бою за красоту божественной Альзаиды, чем заставляя томиться вдали от её прекрасных глаз.

— Быть может, время переменит ваши чувства, — отвечала дама, подавая ему руку, чтобы спуститься в сады.

Они несколько раз обошли цветник, украшенный прекраснейшими в мире статуями. Затем дама предложила принцу побегать наперегонки с одной из нимф по длинной апельсиновой аллее. Она объяснила, что каждый рыцарь, которого судьба приводит в её владения, обязан испытать свою быстроту в состязании с Лириопой — так звали нимфу. Эльмедор не пожелал уклоняться от этого шуточного обычая, тайны которого не знал. Они с нимфой побежали одновременно, и он достиг конца аллеи, опередив её больше чем на двадцать шагов. Но бег так разгорячил его, что он выпил много воды из источника, служившего целью для бегущих, хотя вода была черноватой и очень неприятной на вкус.

Едва он проглотил её, как ему показалось, будто с самого рождения он никогда не покидал этих мест. Альзаида изгладилась из его сердца. Страсть его оставалась столь же сильной, но он забыл ту, что её внушила, и решил, будто любит фею Дезире. Он поспешил к ней и принял её поздравления с победой над Лириопой с такой нежностью, что фея втайне поздравила себя с удачей.

С наступлением ночи мы вернулись во дворец, где был подан восхитительный ужин. Встав из-за стола, мы провели вечер за слушанием прекрасного концерта. Когда настало время расходиться, принца проводили в его покои; там он, не думая о прекрасной Альзаиде, спокойно проспал всю ночь.

Позднее я узнал, что волшебный источник, вызвавший в Эльмедоре столь удивительную перемену, брал начало в реке Стикс. Особыми чарами фея прибавила к природному свойству этой воды ещё и силу обратить любовь рыцаря на неё саму. Одна из нимф, оказавшая мне некоторую благосклонность, рассказала также, что Дезире однажды проезжала через Леон, направляясь собирать травы в горах, окружающих это королевство. Там она увидела принца Гранадского и вспыхнула к нему такой нежностью, что решила заманить его на свой остров. Турнир показался ей удобным случаем, и она выслала за нами ту роковую лодку, что доставила нас в её дворец.

Между тем принц, очарованный ласками феи, проводил самые счастливые дни. Ничто не мешало его желаниям: их заранее угадывали и исполняли, а фея услаждала его всё новыми забавами. То влюблённые отправлялись на морской берег в маленьких колесницах из чёрного

дерева, запряжённых единорогами белее снега; за ними следовали нарядные нимфы. Рыбы, обительницы этой грозной стихии, повинувшись чарам Дезире, сами попадали в сети, расставленные принцем. То они садились на коней, быстрых, как лани, и гнались за самыми свирепыми зверями. Те не могли избежать смертоносной стрелы Эльмедора и падали к его ногам. Иногда влюблённые предавались более тихим удовольствиям и смотрели, как нимфы и фавны пляшут на свежей, усеянной цветами траве. Но ещё чаще, довольствуясь признаниями в нежности и не имея иных свидетелей, кроме своей любви, они целыми днями оставались в самых тенистых и отдалённых от людей уголках леса.

Однажды принц, с нетерпением желавший увидеть свою прекрасную фею, не нашёл её в покоях и пошёл искать в миртовой беседке, где она часто бывала. Тут к нему приблизился незнакомец столь величественного вида, что внушил ему почтение и страх.

— Что ты делаешь, несчастный Эльмедор? — сказал он. — Ты изнемогаешь в изнеженной праздности, тогда как жестокий Асмонад покорил Леонское королевство и держит твою принцессу в плену! Неужели ты забыл любовь, в которой клялся божественной Альзаиде? Посмотри, есть ли у твоей феи хоть что-нибудь, что могло бы сравниться с её красотой.

С этими словами он протянул ему её портрет. Эльмедор, устыдившийся упрёков и пораженный чертами, которым так долго поклонялся, на некоторое время пришёл в смятение.

— Освободись от чар, сделавших тебя рабом, — продолжал незнакомец. — Зачем ты забыл о перстне, который королева, твоя мать, дала тебе при отъезде из Гранады? Обрати его той стороной, в которой заключена его сила, и увидишь его божественное действие.

Речи волшебника Замата привели Эльмедора в чувство. Он посмотрел на свою руку и увидел, что остриё сердца на перстне обращено вниз. Принц последовал совету мудрого волшебника и вновь стал таким, каким был в Леоне. Он покраснел от гнева, вспомнив время, отданное фее Дезире. Но когда хотел спросить у Замата, как выбраться с острова, тот уже исчез. Спеша на помощь своей принцессе, Эльмедор побежал во дворец и приказал мне приготовить лошадей. Когда он был готов к отъезду, фея, узнав о его намерении, явилась удержать его. Но ни её жалобы, ни слёзы не тронули принца, и мы покинули её дворец и зачарованный остров.

В гавани мы нашли корабль, готовый отплыть через пролив, отделявший остров от материка. Вновь сев на коней, мы продолжили путь. Однажды утром, когда мы выезжали из сумрачного леса, навстречу нам появился рыцарь в полном вооружении на великолепном скакуне. Он приблизился к принцу.

— Эльмедор, — сказал он, — я рыцарь, Мстящий за Измены. Твою измену фее Дезире может искупить лишь твоя смерть. Я её брат и не уступаю ей в искусстве волшебства. Но я полагаюсь на собственную доблесть и верю, что её довольно, чтобы заставить тебя раскаяться в причинённом ей зле; поэтому я воспользуюсь одним лишь мечом.

— Посмотрим же, столь ли он опасен, как твои чары, — отвечал Эльмедор, обнажая свой меч, — и сумею ли я найти у волшебников уязвимое место так же, как у прочих рыцарей.

С этими словами он развернул коня и с удивительной отвагой устремился на противника. Бой был жесток. Увидев, что теряет много крови, принц удвоил ярость и поверг врага наземь. Поставив ногу ему на горло, он сказал:

— Признайся, что чары послужили бы тебе лучше, чем меч!

— Я признаю, — отвечал рыцарь, — что ты счастливее меня и что моя жизнь в твоих руках.

— Ступай, — сказал Эльмедор. — Я дарю тебе её, чтобы расплатиться с Дезире за то, чем я ей обязан.

Он помог побеждённому подняться и сесть на коня и оставил его полным стыда и досады.

Нам, однако, пришлось остановиться у первого попавшегося жилья, чтобы прекратить кровотечение из ран принца. Несмотря на его нетерпение увидеть принцессу, я уложил его в постель и отправился за хирургом. Тот сказал мне, что раны очень опасны. Признаюсь, сударыня, эта весть глубоко меня поразила. Но боги, предназначавшие несчастному принцу горести более мучительные, чем смерть, послали нам неожиданную помощь.

Пока осматривали раны Эльмедора, вернулся хозяин хижины. Он подошёл к моему дорожному принцу, посмотрел на раны и вышел. Через мгновение он вернулся с охапкой трав, истолок их и приложил к ранам повязку, смоченную выжатым соком, заверив моего господина, что через два дня тот совершенно поправится.

Слова пастуха сбылись. Принц наградил своего милосердного хозяина и отправился в Леон. По дороге нам встретился знатный человек, от которого мы узнали обо всех переменах, случившихся в королевстве за время нашего отсутствия.

Асмонад, князь Эстремадурский, жестокий и злой волшебник, влюбился в принцессу и попросил у короля её руки. Но добрый государь не пожелал принести ему в жертву свою дочь. Мстя за отказ, Асмонад осадил Леон, нашёл его беззащитным, овладел им и предал смерти короля и королеву. Принцессу он велел держать под стражей во дворце; заботами и подарками он надеялся заставить её забыть его преступления. Но благородная принцесса одинаково презирала и проявления его любви, и его ненависть; дни её были безрадостны. Мы узнали также, что уже две недели Альзаида больна, а вероломный Асмонад, по-видимому, нисколько этим не встревожен.

Столь печальные вести так страшно поразили Эльмедора, что он лишился чувств. Раны открылись, началась сильная лихорадка, и он оказался на краю могилы. Его тревога о болезни принцессы заставила меня отправиться в Леон.

Во дворце царило смятение. Ворота больше не охранялись; я поднялся в покои Альзаиды, никем не узнанный, и вошёл к ней. Но, боги, в каком состоянии я её нашёл! На лице её лежала смертельная бледность. Полузакрытые глаза и приоткрытые губы словно не подавали больше признаков жизни. Такая острая боль пронзила меня, что я невольно вскрикнул. Саншея, вся в слезах стоявшая возле умирающей красавицы, обернулась. Я подошёл.

— Саншея, — сказал я, — неужели вы меня больше не узнаете?

— Ах, Тальмут! — отвечала она. — Как счастлив принц Гранадский, что умер, если он по-прежнему любил эту несчастную принцессу!

— Мой принц не умер, — ответил я. — Он был бы здесь, если бы болезнь Альзаиды не поставила под угрозу и его жизнь.

— Праведные небеса! — воскликнула Саншея. — Какой рок преследует несчастный Леонский дом! Принцесса, — продолжала девушка, — находила в своём великом мужестве силы противостоять всем жестокостям Асмонада. Но она не перенесла потери Эльмедора: этот вероломный человек сказал, будто убил его в поединке. С той минуты она словно перестала жить. Тщетно я умоляю её дать хоть какой-нибудь знак, что она ещё узнаёт меня: в ответ слышу лишь глубокие вздохи. Асмонад равнодушен к нашему отчаянию и выказывает злорадство, от которого наша боль только сильнее. Но попробуем: быть может, весть, которую вы принесли, возвратит её к жизни. Подойдите, — прибавила она, — и заговорите с ней от имени принца.

— Сударыня, — сказал я принцессе, взяв одну из её прекрасных рук и сжав её, чтобы привести больную в чувство, — Эльмедор не умер. Он дышит лишь для вас. Неужели вы хотите его покинуть?

Услышав столь дорогое имя, Альзаида открыла глаза и повернула их ко мне, стараясь меня узнать.

— Сударыня, — продолжал я, — я Тальмут. Принц Гранадский послал меня узнать, каким образом он может заверить вас в своей глубочайшей и почтительной любви.

— Тальмут, — сказала она, — я больше не принадлежу жизни. Но передайте вашему господину: поскольку я умираю ради него, я хочу, чтобы он жил ради мщения за меня.

Произнеся эти едва слышные слова, она вновь лишилась чувств. Вошёл Асмонад, и я удалился. Но не успел я выйти на лестницу, как услышал крик: «Принцесса умерла!»

Убитый горем, я возвратился к принцу. Не смея сказать правду, я сообщил, что Альзаиде лучше. Но, увидев на моём лице следы слёз, он не усомнился в своём несчастье. Всё, что может внушить иступление, этот несчастный принц и говорил, и думал. Если бы я не передал ему повеления умирающей принцессы, он не пережил бы её.

— Да, несчастнейшая Альзаида, — говорил он, — вы будете отомщены! Клянусь всей моей любовью к вашей дорогой тени. Я сохраню жизнь лишь до той минуты, когда умиротворю ваш разгневанный дух.

Приняв это решение, он поневоле стал заботиться о здоровье, чтобы скорее умереть. Через две недели он смог встать с постели. Дав себе ещё немного времени, чтобы окрепнуть для верховой езды, он вновь послал меня в Леон узнать, что сделали с телом его принцессы и где находится Асмонад. Сведения удалось получить только от простых людей. Они рассказали, что тиран увёз тело Альзаиды с собой; Саншея не пожелала её покинуть, а дворец заперт. Напрасно пытался я узнать больше. Пришлось вернуться и сказать Эльмедору, что Асмонада уже нет в Леоне. Это удвоило горе несчастного принца.

Он, однако, решил искать врага хоть на краю света, и мы отправились в Эстремадуру. Мы полагали, что злодей, боясь народного восстания при виде тела принцессы, увёз её хоронить в чужой земле. Но там его не оказалось.

С того дня несчастный Эльмедор объехал все испанские земли и, как мы ни старались, не нашёл своего врага. Уже год мой принц проводит ночи в лесах, а дни — в местах, где надеется осуществить свою месть.

— Я не думала, — сказала принцесса Замея, когда оруженосец окончил рассказ, — что могу сочувствовать другим несчастьям, кроме тех, что тяготеют надо мной. Но беды принца Гранадского глубоко меня тронули. Вернёмся к нему: быть может, он почувствует, что мы разделяем его скорбь, и ему станет легче.

Она тотчас встала и, вернувшись в комнату Эльмедора, сказала:

— Государь, не вы один оплакиваете свою участь: она исторгла слёзы и из моих глаз.

— Мне следовало бы ответить, сударыня, — сказал принц, — что сострадание такой великой принцессы, как вы, смягчает моё горе. Но, прелестная Замея, оно таково, что лишь смерть может его облегчить.

— С тех пор как я узнала вашу историю, я надеюсь на более счастливый исход, — отвечала принцесса Фесская. — Я уже не сомневаюсь, что несравненная Альзаида жива. Узнав о вашем возвращении и страхась встречи с вами, Асмонад, без сомнения, увёз принцессу Леонскую во время того обморока, из-за которого ваш оруженосец счёл её умершей. Усилия, с которыми он скрывается, не оставляют места сомнениям. Как я и говорила вам утром, он держит её пленницей в роковом замке, откуда вы должны освободить несчастного принца Тунисского. Именно это волшебник Замат хотел дать вам понять вашим сном. Чтобы окончить все наши беды, нужны лишь ваше здоровье и чудесный перстень, который он вам подарил.

— Увы, сударыня! — отвечал принц. — Если наше счастье зависит только от этого волшебного кольца, как же оно ненадёжно! Я потерял его в бою с рыцарем-Мстителем. Судьба лишила меня этой чудесной помощи.

— Ваша доблесть заменит нам всё, — сказала принцесса. — Думайте лишь о выздоровлении.

После этих слов Замея удалилась, боясь утомить его разговором.

На другой день она отправилась гулять в тот небольшой лесок, о котором я уже говорил; её сопровождали Аделинда и оруженосец. Некоторое время она бродила там, но солнце заставило её искать тени, и она села на том же месте, где оруженосец Эльмедора рассказывал ей историю своего господина. Не прошло и мгновения, как она услышала чей-то довольно громкий голос.

— Я согласна, сударыня, — говорила незнакомка, — что непостоянство принца Алинзора достойно всей вашей ненависти. Но мне бы хотелось, чтобы она была умереннее и чтобы, вернувшись на Канарские острова...

— Нет, Феника, — перебил другой голос, — не надейся, что я увижу счастливые Канарские острова, прежде чем накажу измену принца Нумидийского! Фея Величия предсказала, что в Гранадском королевстве я найду конец своим страданиям. Мы уже неподалёку. Я не покину его, пока не смою кровью принца нанесённое мне смертельное оскорбление.

Замее захотелось увидеть незнакомку, в голосе которой было нечто трогательное. Она встала, прошла вперёд и увидела двух юных рыцарей, сидевших на траве. Из услышанного принцесса Фесская легко догадалась, почему незнакомка скрывает свой пол. Очарованная её юностью и красотой, она приблизилась к ней с раскрытыми объятиями.

— Прелестная принцесса, — сказала она, — не сердитесь, что случай открыл мне возможность так нежно выразить дружбу, которую невозможно не почувствовать к вам с первого же взгляда. Я тоже несчастна, — продолжала Замея, — и привыкла сетовать на свою участь. Разделим наши жалобы, чтобы облегчить горе.

— Как ни велико моё огорчение оттого, что меня узнали, — отвечала принцесса Канарская, — я не могу быть недовольна столь счастливой встречей. Счастье вызвать слёзы у такой женщины, как вы, способно смягчить многие беды. Но та обида, на которую я, по-видимому, жаловалась при вас, столь оскорбительна, что лишь смерть её виновника может меня исцелить.

— Смерть врага, который был нам дорог, — возразила Замея, — а часто и остаётся дорог, хотя мы этого не признаём, не всегда верное лекарство. Впрочем, моя принцесса, сейчас не время спорить о вашей мести. Когда несколько дней знакомства доставят мне вашу дружбу, быть может, я сумею убедить вас в своей правоте. Пока же подумайте об отдыхе от дорожных трудов в скромном жилище, где раны великого принца удерживают меня ещё на несколько дней.

Как ни хотелось принцессе Канарской продолжать путь, она не смогла устоять перед дружескими просьбами прекрасной Замеи. Все вместе они пошли к хижине и вошли в комнату принца.

Он удивился, увидев рядом с принцессой Фесской рыцаря столь блистательной красоты. Но прелестная Замея в двух словах объяснила ему случившееся, и он предложил принцессе Канарской свою руку и меч, чтобы отомстить неверному возлюбленному.

— Чтобы наказать его, великодушный рыцарь, мне нужна лишь собственная рука, — сказала она. — Если бы его кровь пролил кто-либо другой, я оплакала бы его.

— Я ведь говорила вам, сударыня, — заметила Замея, — что этот неблагодарный всё ещё дороже вам, чем вы думаете. Вы боитесь верить мести слишком надёжным рукам и предпочитаете совершить её своими.

— Не судите так дурно о моей ненависти, — отвечала принцесса Канарская. — Если бы вы когда-нибудь испытали эту жестокую страсть, то согласились бы: удовольствие отомстить самой так велико, что можно заплакать, когда нас его лишают.

— Во всём, что вы говорите, прекрасная принцесса, я вижу лишь скрытую любовь, — сказала принцесса Фесская. — Если бы этот слишком счастливый Алинзор оказался у ваших ног, его вздохи и раскаяние погасили бы ваш гнев вернее, чем его смерть.

В эту минуту вошёл хирург принца, и принцессы перешли в свою комнату. За приятной беседой каждая убедилась, что не встретит никого милее другой; они горячо привязались друг к другу. Принцесса Замея взяла с принцессы Канарской обещание отправиться в путь только вместе: ведь обе направлялись в Гранаду. На следующий день она попросила рассказать об изменах Алинзора. Велев никому их не тревожить, прекрасная канарская принцесса начала так.

История Зальмаиды, принцессы Канарской, и принца Нумидийского

— Вы уже знаете, сударыня, — сказала Зальмаида, — что я принцесса Канарская. Вероятно, вам известно и то, что моя мать умерла, дав мне жизнь, а через несколько лет за ней последовал мой отец. Я осталась на попечении принцессы Зантиллы, сестры моей матери. Управление моим государством отец перед смертью поручил князю Балеарских островов.

Это был весьма благоразумный государь, вполне способный управлять столь беспокойным народом, как наш. Но любовь, к несчастью для меня, внушила ему, что величайшее из благ — быть мною любимым. Принцесса Зантилла употребляла всё своё влияние и беспрестанно твердила, что моя рука слишком слаба для скипетра и что канарцы, привыкшие к правлению Зенора — так его звали, — с радостью увидят мою корону у него на голове.

Все эти доводы были мне весьма не по вкусу. Зенор мне очень не нравился; к тому же он слыл великим волшебником, и это внушало мне отвращение, которого я никогда не могла преодолеть, хотя впоследствии он оказал мне услуги, за которые я должна была быть благодарна.

Так обстояли дела при канарском дворе, когда мне захотелось посетить храм Дианы на материке. Принцесса Зантилла не могла меня сопровождать: она была нездорова, а Зенор уехал усмирять восстание в городе Балеаре. Поэтому я отплыла лишь с девушкой, которую вы видите со мной, и несколькими рабами: во время этого короткого паломничества я не хотела быть узнанной.

Плавание было счастливейшим: ни разу не подул встречный ветер, и мы благополучно высадились на берег. Я села в колесницу, чтобы доехать до храма. Долго гуляла я по большим тенистым аллеям, ведущим к портику; когда настал час жертвоприношения, вошла внутрь.

Во время обряда я заметила напротив рыцаря удивительно прекрасного сложения. Он смотрел на меня так пристально, что я покраснела. Но, находя тысячу прелестей в его лице и во всём его облике, я заботилась о том, чтобы не потерять его из виду, ничуть не меньше, чем о слушании гимнов в честь богини.

Когда жертвоприношения окончились, я вышла из храма. Мой рыцарь последовал за мной в аллеи, где я ещё немного погуляла. Незнакомец стал моей тенью: я всё время видела его рядом. Когда его глаза встретились с моими, из них вырвался столь живой огонь, что проник мне в сердце и зажёл там пламя, которое никогда бы не угасло, если бы то, что я в ту же минуту зажгла в его душе, было вечным огнём весталок. Сила взаимного влечения оказалась так велика, что принц Нумидийский — ибо это был он — не удержался: подошёл и подал мне руку, помогая сесть в колесницу. Не зная, следует ли принимать такую услугу от незнакомого человека, я всё же не смогла отказаться.

— Сударыня, — сказал он, — должно быть, богиня, которую здесь почитают, очень ко мне благосклонна. Она внушила своей весталке отложить мои жертвоприношения до завтра и благодаря этой

отсрочке позволила мне увидеть прекраснейшую женщину, какую когда-либо создавали боги.

— Значит, этой дамы не было в храме, — отвечала я, не желая принимать столь лестную похвалу, — потому что ни одна женщина там не привлекла моего внимания.

— Это потому, сударыня, что вы не видите себя, — отвечал дерзкий Алинзор, — раз не узнаете себя в той красавице, чью властную силу я ощущаю.

— Государь, — сказала я, приняв серьёзный вид, — обычаи вашего королевства, несомненно, отличаются от наших. Иначе я не могла бы поверить, что столь совершенный рыцарь способен забыть почтение, подобающее женщине моего пола и положения.

— Если законы язычников, от которых мы произошли, освобождают нас от обязанности молчать перед обожаемым предметом своей страсти, — возразил Алинзор, — то признаюсь, что нумидийцы, которыми я правлю, обладают пылким и страстным нравом...

— Добавьте: и весьма непостоянным, — перебила я со смехом.

— Признаю, — сказал Алинзор, — что нам приписывают этот ужасный недостаток. Но, прелестная незнакомка, ваши глаза могут наложить лишь вечные оковы. Поэтому вам нечего бояться зыбучих песков моей родины.

— Я больше боюсь её правил, — отвечала я. — И на те несколько мгновений, что случай свёл нас вместе, прошу вас о них забыть. Я не расположена менять наши законы на ваши; как рыцарь вы обязаны подчиниться моим.

— Всем сердцем, — сказал принц. — В ваших прекрасных руках я приношу обет никогда не признавать других законов.

— Тогда начните сейчас же, — отвечала я, — позвольте мне сесть в колесницу и удовольствуйтесь четвертью часа знакомства, не пытайтесь сопровождать меня дальше.

Признаюсь, сударыня, я была бы весьма огорчена, если бы он послушался. Он доставил мне огромную радость, когда, посадив меня в колесницу, затем снова оказался у дверцы, чтобы помочь выйти. Я слегка его пожурела, но мои упрёки были так слабы, что не помешали ему проводить меня в мою комнату. Там, осмелев, я рассмотрела все его достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.